

Мария Гарзийо

Кофе с круассаном

Мария Гарзийо

Кофе с круассаном

«Издательские решения»

Гарзийо М.

Кофе с круассаном / М. Гарзийо — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832228-0

Марина по постсоветским представлениям без пяти минут старая дева. Ее жизнь медленно перетекает из одного малозначительного дня в другой. Единственную перчинку в эту рутину вносит виртуальное общение с красавцем Лораном. Когда долгожданное свидание, наконец, назначено, прекрасный принц исчезает. Спустя пару дней неизвестный звонящий сообщает девушке о его трагической гибели в авиакатастрофе...

ISBN 978-5-44-832228-0

© Гарзийо М.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

16

Кофе с круассаном

Мария Гарзийо

© Мария Гарзийо, 2019

ISBN 978-5-4483-2228-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

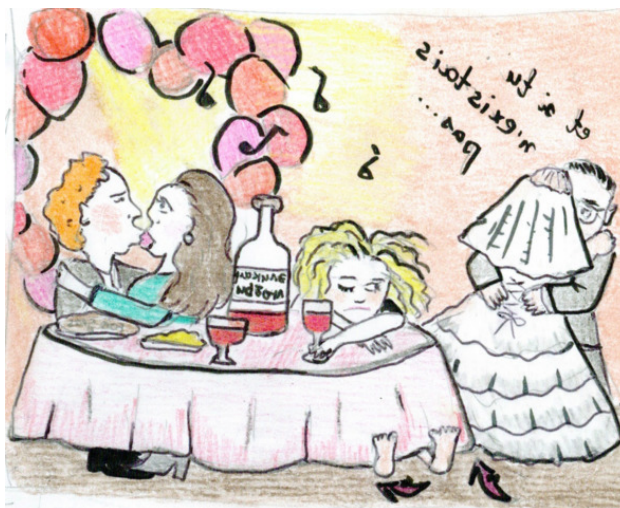
– Представляешь, он вчера опять заходил на меня посмотреть, когда я в ванне сидела. И, приколы, подарил мне медвежонка. А мой бывший увидел медвежонка, сразу полез с вопросами, типа кто подарил. Он тоже в ванне был.

Любопытная получается картинка! Сидит пара в ванной, пока молодой человек мылил спину, нахальный поклонник влез на чужую жилплощадь и вручил даме плюшевого зверя. Не знаю, насколько далеко увлекло бы меня мое богатое воображение, если бы следующая фраза не внесла ясность в эту несусветицу. Девушка, разговор которой по мобильнику, я вынуждена подслушивать в виду ораторской громкости ее голоса, подразумевает виртуальные перепитии на популярном латвийском сайте *one.lv*¹. Как только молодежь не склоняет это чуждое латвийскому уху название, кто сидит «на Ване», кто «в ванне», кто в «вони», а некоторые знатоки вообще «на онэ». Когда загадочная история с принятием совместных водных процедур перерастает в банальный Интернет-флирт, я мгновенно теряю к ней всякий интерес. Опять Интернет! Куда не глянь, всюду один Интернет! Сколько пар начинают свои отношения с какого-нибудь убогого «привет, отличная фотка», или «давай познакомимся поближе, у тебя есть МСН?» или еще того хуже с какого-нибудь виртуального мишки или цветка. То ли было раньше. Он закружил ее в вальсе на балу у княгини, он вырвал ее из рук кровожадных разбойников, спас от преследования Инквизиции, бросил к ее ногам убитого мамонта.. Согласитесь, реальный мамонт это все-таки покруче виртуального медведя. Впрочем, к чему все это ханжество. Можно подумать, я ищу работу по газетным объявлениям и знакомлюсь с мужчинами в библиотеке. Виртуальная сеть неизбежно поглотила и меня. Хотя надо признать, я достаточно долго сопротивлялась. Врожденный романтизм бился во мне до последнего за шанс быть спасенной доблестным рыцарем. Последней каплей, которая переполнила чашу терпения, и перелившимся через край потоком унесла меня в глубины Интернет-пространства стала свадьба подруги Лены. Лена на два года младше меня, ей недавно исполнилось 27. На мой взгляд, не слишком симпатичная, с мелкими чертами лица и неидеальной фигурой (я тоже не подхожу под каноны 90—60—90, но бедра у меня все-таки поуже и бока не свисают по обе стороны от резиночки стрингов), она умудрилась таки выйти замуж раньше меня. Мало того, еще и за француза, хотя я по профессии переводчик языка Мопассана, а она не знает ничего кроме «*Voulez Vous coucher avec moi ce soir*»². Мало того, она еще и закатила шикарную свадьбу в столице моды, гастрономии и любви – Париже. Я была приглашена на празднование, и по иронии судьбы или по злему умыслу невесты, посажена за столик с пафосным названием «Эликсир любви». Надо заметить, что на тот момент я была абсолютно одинока, мои отношения с Антоном давно сошли на нет, и слова «свидания» и «секс», окончательно отчаявшись, покинули мой лексикон. И вместо того, чтобы воспользоваться такой уникальной возможностью, и разговориться за столиком с очаровательным незнакомцем, я в течение всего вечера созерцала страстные поцелуи своих счастливых соседей по «Эликсиру любви» и слушала их

¹ латвийский аналог сайта *odnoklassniki.ru*

² Слова песни из репертуара группы «Pussycat dolls», в переводе «Не хотите ли вы переспать со мной сегодня вечером».

восторженные рассказы о знакомстве. Ощущая себя Бриджит Джонс в полной мере, я налегла на вино, и выжимала из себя улыбку. Все три пары познакомились в Интернете, на каком-то международном сайте, название которого одна сердобольная дамочка, позже написала мне на салфетке. Я промокнула этой салфеткой растекшуюся тушь, наблюдая, как Ленка, затянутая до обморока в корсет, поверх которого свисают заведомо подпеченные в солярии телеса, кружится в обнимку со своим Пьером под мою любимую «Si tu n'existais pas» Джо Дассена.

Окончание банкета, благодаря непозволительно большому количеству выпитого запомнилось плохо. Зато на следующее утро, проснувшись в крошечном номере дешевого отеля на пару с отвратительной головной болью, я твердо решила расстаться, наконец, с детскими фантазиями, и взяться всерьез за устройство собственной судьбы. А точнее доверить это устройство всемирному виртуальному разуму. Надо сказать, что уже первый улов, который принесла мне знаменитая сеть, заставил меня пожалеть об этом решении. Возраст позарившихся на мое фото в бикини, соискателей любви давно перевалил за сорок и в большинстве случаев уже приближался к пятидесяти. Немолодые Джоны из Лондона, Карлы из Мюнхена, Луиджи из Палермо и Жаны из Лиона щедро сыпали однообразными комплиментами, приглашали в гости и обещали познакомить с детьми и внуками. Перспектива встречи с поклонниками пенсионного возраста меня не обрадовала. Получив пламенное послание от очередного 59-летнего Свэна, который хвастал, как отлично сохранился, я долго и скрупулезно разглядывала свою физиономию в зеркале. Неужели не успев еще пересечь ужасающий тридцатилетний рубеж, я уже так не товарно выгляжу, что позариться на меня могут только иностранные дедушки.

Мама подняла на смех мои Интернет-поиски и заявила, что лучше Антона мне все равно никого не найти, и что я была дурой, что его упустила. С упомянутым индивидуумом я познакомилась в свое время вполне естественным и вполне романтическим способом – на дискотеке. Его товарищ перебрал с алкоголем и желудок несчастного пожелал опустошиться именно в тот момент, когда рядом на диване находилась моя светлая куртка. Мы с Антоном вместе тащили трупо-подобного дружка домой, и отмывали в ванне мою куртку. Потом он несколько раз приглашал меня на свидания, каждый раз дарил неизменную красную розу и вел ужинать в пиццерию. В общем, ухаживал как надо.

Наша первая ночь любви состоялась в палатке на его корпоративном пикнике. В самый неподходящий момент на мою беззащитно оголенную филейную часть напал какой-то злобный

неизвестный науке жук. Романтический момент, как говорила Масяня, был лично для меня безвозвратно утерян. Антон, которого жук видимо, посчитал несъедобным, по всей видимости, получил таки удовольствие.

Вскоре после этого судьбоносного пикника, Антон переехал ко мне. Я живу с мамой в трехкомнатной квартире в центре Риги, оставшейся нам от дедушки военного. После перестройки дедушку признали оккупантом, но он к тому времени уже умер, и потому не стал краснеть от стыда от такого определения. По принятому правительством закону, на наш старый дом мог отыскаться довоенный владелец и потребовать с нас плату за жилье. Но пока таковой нас не беспокоил. Антон пожелал поселиться у нас по его словам из-за того, что был не в состоянии существовать долгое время вдали от меня, а настоящей причиной, как я подозревала, была его Даугавпилская прописка и отсутствие жилплощади в Риге. Маме он почему-то сразу пришелся по душе. Возможно, ее впечатлили одиночные красные розы, даримые нам обеим с завидной периодичностью. А может быть он просто являлся в мамином представлении идеалом мужчины, которого она хотела видеть рядом со своей дочерью. Не старый (мой ровесник, почти непьющий, мало-курящий, не ворующий, а зарабатывающий деньги собственным умом системный администратор в какой-то дохлой конторке), и к тому же не урод. Удивительно, что положительная характеристика в целом складывалась из одних отрицаний. Мне-то самой, конечно, мой принц виделся совсем другим. Но за отсутствием очереди поклонников у моих дверей, сгодился и Антон. Мы прожили вместе четыре года, и я начала уже было покупать журнал «Ваша свадьба», когда вдруг он собрал свои немногочисленные вещички (среди которых подаренные мне ноутбук и миксер) и ушел, заявив на прощание, что ему все надоело и он уезжает обратно в Даугавпилс. Вечером мы с мамой с горя хряпнули коньячку. Она считала, что Антон ушел, потому что я не уделяла ему достойного внимания. Я же в тайне подозревала, что потенциального жениха спугнули недавно приготовленные ею вонючие котлеты из несвежего фарша. Как бы то ни было, назад Антон так и не вернулся и на мои покающиеся смс ни разу не ответил. Знакомая знакомой подруги знакомой смакуя удовольствие, сообщила мне, что видела его в пиццерии с какой-то брюнеткой. Когда мужчина уходит от блондинки к брюнетке это двойное поражение. От переживаний я решила уйти в запой. Но уже на второй день мой организм наотрез отказался травиться алкогольным ядом, и с этой перспективной идеей пришлось расстаться. Я ушла с головой в работу (мutorный перевод французской кулинарной книги) и постепенно боль от предательства Антона утихла. С тех пор на протяжении двух лет я просыпалась одна, по выходным пропалывала грядке на даче, а вечерами смотрела вместе

с мамой все сериалы подряд и искренне переживала за героев. А время-то шло, пока я сетовала о судьбе Кати Пушкаревой, мои знакомые и подруги выходили замуж и рожали детей. Когда я занялась целенаправленными поисками спутника жизни по средствам Интернета, мама заявила, что в виртуальных пространствах водятся одни только извращенцы и зачитала мне статью про маньяка, который разыскивал свои жертвы на сайтах знакомств. Мне нечем было ей ответить, не показывать же седовласых ухажеров. Спустя три недели после помещения моего профиля на сайте мне написал тридцатилетний мужчина, не лишенный привлекательности. Я перевела его письмо маме. Ей он в целом пришелся по вкусу, но, узнав имя, она наотрез запретила мне заводить отношения со Скоттом.

«Не хочу зятя-скота», безапелляционно заявила мама, и мне пришлось распрощаться с молодым ирландцем. Потом она по такому же принципу забракела тридцатипятилетнего турка Омара и тридцати восьмилетнего датчанина Кнута. Чем ей не угодил Анах Хурани из Киркука я так и не поняла, но твердо решила письма больше маме не показывать и мнения ее не спрашивать. Жить со Скоттом или с Омаром все-таки мне, а не ей. И вот тут то, как будто почувствовав момент, и появился Он. Его звали Лоран Дюссан, ему было тридцать два года, и он был красив как Бог. Увидев впервые фотографию, я не поверила своим глазам. Чтобы такой мужчина и написал мне, без пяти минут старой деве, пылящейся дома за переводами в халате и тапочках! Впрочем, надо отдать мне должное, на интернетном снимке я без тапочек и вообще еще очень даже ничего. Но он... Красиво очерченный овал лица, чувственные губы, прямой нос, блестящие темные глаза под ровными бровями, аккуратная прическа, белая рубашка, распахнутая на загорелой груди... Отправив ему ответ, я с нетерпением ожидала письма. А что если это все? Если он перепутал или пошутил? Дергаться и задаваться подобными вопросами мне пришлось дней пять, на шестой в электронном почтовом ящике меня встретило вожделенное сообщение от красавца Лорана. Он восхищался моим владением французским и желал узнать обо мне как можно больше. Так все и началось.

Любительница общения в ванне заканчивает разговор с подругой. Маршрутное такси тормозит, чтобы впустить в свои недра очередную партию пассажиров. При этом имеющиеся уже в салоне людские массы спрессовываются на манер рижских шпрот. Никто не возмущается жадности водителя, народ молча цепляется друг за друга, втягивает голову в плечи и синхронно подсакивает, когда маршрутку трясет на выложенной булыжниками дороге. Прибалтийский темперамент, думаю я, разглядывая скучившихся пассажиров и радуясь своему сидячему месту. Мобильник оповещает меня о получении нового сообщения. Я улыбаюсь в предвкушении. «Я очень скучаю по тебе, милая» пишет Лоран, «Только что закончил важные

переговоры. Вечером вылетаю в Сидней. Постараюсь позвонить тебе до этого. Целую нежно». Я сдерживаю привычный порыв прижать аппарат к губам. Какой же он замечательный, мой Лоран! Такой заботливый, любящий, нежный! Вчера мы проговорили полтора часа по телефону, и даже мельком затронули тему помолвки. Лоран сказал, что он на сто процентов уверен, что я – именно та женщина, с которой он хочет прожить всю свою жизнь. Я в принципе тоже уверена, что он – мужчина моей мечты, и я с удовольствием вышла бы за него замуж. Меня только немного смущает одно «малозначительное» обстоятельство.

Мы никогда не видели друг друга. В реальной жизни, я имею в виду. Наши виртуальные отношения длятся вот уже почти год, мы часами болтаем в МСНе и по мобильному, у меня хранится целая папка с его фотографиями, но мы так ни разу и не встретились по-настоящему. Каждый раз, когда мы выбираем число и собираемся уже заказать билеты, непременно происходит какое-то ЧП. То у Лорана срочная деловая поездка, то у меня неотложный перевод. Судьба, как будто нарочно играет с нами, удерживая на расстоянии друг от друга. «Это чтобы мы смогли потом в полной мере оценить встречу», не унывает мой любимый оптимист. На сей раз мы вроде договорились, что сразу по возвращению из Сиднея, Лоран приедет ко мне. Я даже уже приобрела туристическую брошюрку по Риге, чтобы знать, что ему показать и куда отвести. Мама относится к этим отношениям скептически и называет Лорана «этот твой неизвестный француз». Я пыталась пару раз втолковать ей, что Лоран лично мне очень даже известный, я знаю всю его жизнь, судьбу его родителей, его гастрономические пристрастия и бок, на котором он предпочитает спать. Более того, нас связывают уже и виртуальные интимные отношения, которые, не смотря на ограниченность возможностей, доставляют мне гораздо больше удовольствия, чем та памятная ночь с Антоном и жуком. Впрочем, об этом я, конечно, маме не рассказываю. Маршрутка тормозит на моей остановке. Я продираюсь через дебри пассажиров, чувствуя, что несколько пуговиц от этого соприкосновения уже готовы покинуть мой пиджак. К счастью я вываливаюсь из маршрутки раньше, чем они успевают окончательно дезертировать.

Вечером мы пьем с мамой чай под телевизионные переживания Пушкиревой, которая за сто с лишним серий так и не удосужилась снять очки и пластинку с зубов. Мы продолжаем следить за незатейливым сюжетом в надежде, что когда-нибудь это чудо все-таки произойдет. От сериала и дымящейся чашки мятного чая меня отрывает звонок Лорана. На экране мобильного высвечивается привычное «private number», я хватаю аппарат и ухожу в свою комнату. Мама вздыхает и неодобрительно качает головой.

– Как ты, mon coeur³? Как прошел день? Ты съездила в агентство?

– Все отлично. Я подписала с ними договор. Они дали мне путеводитель вин. Надо сделать до следующей пятницы.

– Ого, ты теперь будешь разбираться в винах лучше меня!

– Вряд ли это возможно. А как ты? Где ты находишься?

– В аэропорту Шарль де Голль. Мой самолет вылетает через час.

– Когда ты будешь в Сиднее?

– Через десять часов после вылета. Ты знаешь, у меня какое-то неприятное предчувствие.

Не хочется лететь туда.

– А отказаться нельзя?

– К сожалению нет. У меня важная встреча завтра в обед. От нее много что зависит. Впрочем, это наверно не предчувствие, я просто устал, и мне хочется к тебе, а не в Сидней.

– Может, еще не поздно поменять билет? Я купила туристический справочник по Риге. Узнала столько нового.

³ Здесь и далее в обращениях ласковые словечки вроде «моя сердечко», «любовь моя».

– Значит, у меня будет отличный гид! Я тебе обещаю, любовь моя, что сразу же после Австралии я прилечу в Ригу. Я уже смотрел билеты, нашел прямой рейс из Парижа. Мне так хочется, наконец-то тебя увидеть.

– Мне тоже. Очень, очень.

– Мне так понравилась фотография, которую ты мне прислала вчера. Как ты угадала, что мне нравится красное белье...

Я закрываю поплотнее дверь в комнату. Мама, конечно, не понимает по-французски, но даже по моей интонации можно догадаться, что обсуждаем мы не доказательство теоремы Ферма. В конце сорокаминутной беседы Лоран шепчет в трубку, что любит меня.

– Что бы не случилось, помни об этом, – просит он.

– А что может случиться? – волнуюсь я.

– Ничего. Ничего не случится. Целую тебя.

Я целую трубку и нажимаю отбой. Через две недели я его увижу! Я смогу, наконец-то, прижаться к нему и поцеловать его по-настоящему! Мама нарочито громко шуршит газетами. Я выхожу на кухню, стараясь не демонстрировать открыто своей радости. Но маму так просто не проведешь.

– Ишь вся светится прямо! – замечает она с упрёком.

– Чем закончилась Пушкарева? – интересуюсь я нейтрально.

– Как всегда ничем. Скажи лучше, чем тебя так порадовал этот твой неизвестный француз?

– Между прочим, у него есть имя.

– Эти нерусские имена невозможно запомнить. Баран что ли?

– Ло-ран, мама, Лоран!

– Один черт. Вообще не нравится мне он. Мужчина должен быть немного красивее обезьяны. А этот! Прямо актер какой-то. Ты вообще уверена, что это его фотография?

– Уверена, мама. Я не одну фотографию видела, у меня целый альбом. И вообще он скоро приедет, ты сама во всем убедишься.

– Да, неужели! Опять, небось, обманет.

Мое хорошее настроение в неравной борьбе с натиском маминого пессимизма начинает заметно сдавать позиции.

– Все, я пошла спать, – ретируюсь я в надежде сохранить хотя бы его остатки.

– Почти тридцатник девке, а она вместо того, чтобы найти нормального работающего парня, тешет себя несбыточными мечтами о каком-то французе. Да, зачем ты нужна-то этому французу? У него, что в Париже своих француженок нет? – кричит мне в след добрая родительница.

Остатки хорошего настроения окончательно улечиваются. Перед тем как лечь спать, я долго смотрю на мониторе фотографии Лорана. Он прислал мне несколько профессиональных фото – черно-белые и цветные портреты, на которых он действительно напоминает какого-нибудь красавчика-актера, а вслед за ними снимки из жизни, с вечеринок, поездок, ресторанов. Я смотрю на него, и по всему моему телу пробегает жаркая волна. Скорее бы уже увидеть его. Скорее бы. Мобильный дергается и пищит сообщением. «Моя любовь, я уже в самолете. Отключаю телефон. Позвоню по приезду. Целую». Я засыпаю с аппаратом в руке.

На следующий день я с самого утра берусь за вина. Перевод оказывает несложный, всюду идут повторения. Полу-сладкое, столовое, с фруктовым привкусом... Пока мои пальцы печатают переведенный текст, мозг прокручивает ленту воспоминаний. В университетские годы мы с подружками в парке на скамейке пытаемся откупорить бутылку недорогого вина, купленного в складчину. Штопора в наличии естественно не имеется; из подручных инструментов у нас только карандаш и зонт. Хохоча, мы долбим рукояткой зонта по карандашу, который неохотно толкает пробку внутрь бутылки. Уступив этому совместному натиску, пробка, наконец, проскользывает вовнутрь, увлекая за собой карандаш. Цель достигнута, мы пьем терпкое вино с привкусом карандашного грифеля, жизнь кажется прекрасной и многообещающей. *Domaine de la Romanée Conti 1990 года, Romanée Conti* красное вино, цена 16 190, 40 евро, отличается легким вкусом карандаша», набирают мои пальцы.

По радио ведущий читает поздравления. «Екатерина благодарит своего мужа за то, что он подарил ей сына». В магазине что ли купил? – думаю я. Раньше мужья благодарили жен, все-таки именно женщины претерпевают муки родов. А мужика за что благодарить? За один ловкий сперматозоид? Окончательно отвлекшись от перевода, я смотрю на часы. У нас одиннадцать утра, значит, в Сиднее уже семь вечера. Лоран давно должен был добраться. Он обещал отправить мне сообщение, как только разместится в отеле. Экран мобильного девственно чист. Я решаю подождать еще часик – два, может, быть рейс задержали. Мне не к месту вспоминается его плохое предчувствие. Я пытаюсь сконцентрироваться на винах. Через два часа у меня появляется горячее желание выпить сразу все переводимые вина, чтобы хоть как-то успокоиться. Мобильный упорно безмолвствует. Лоран в принципе очень ответственный, если он говорит, что позвонит в определенное время, то всегда выполняет данное обещание. Что-то случилось! Что-то непременно случилось! Что-то плохое. По истечению еще трех часов мое терпение заканчивается. В ход идут мамины сердечные капли. Я набираю номер, который он когда-то давал мне для связи, но которым я никогда не пользовалась, потому что он всегда звонил и писал сам. Абонент не существует. Я судорожно пытаюсь вспомнить название отеля, в котором он собирался остановиться. Там было чего-то четыре. Печатаю в Гугле «four hotel Sydney». Поисковик одним из первых результатов выдает Four Seasons Hotel Sydney. Отлично, это он и есть. Дрожащими пальцами набираю многозначный номер. Английский я учила в школе, но кое-какие основы еще сохранились с тех пор в глубинах памяти. Учитывая то, что все знания и умения человека обостряются в стрессовой ситуации, я надеюсь, что мне удастся сформулировать интересующий меня вопрос. Мои надежды оправдываются. Клерк вежливо сообщает мне, что мистера Дюссана нет в списке их гостей и в ближайшее время таковой не предвидится. Неужели я перепутала название? Да, нет, же, он мне указывал именно этот отель. Что же делать? Я отправляю на адрес Лорана имейл с просьбой связаться со мной,

как только представиться возможность. Сердечные капли уже не помогают. Мне хочется стащить из маминой пачки сигарету, хотя я не курю вот уже два года, с того момента, когда моя попытка уйти в запой одержала фиаско. «Успокойся и жди звонка» убеждает меня здравый смысл. «Может, он в другом отеле, устал с дороги, заснул». Может быть. А может, произошло что-то ужасное и непоправимое. Не зря же его тяготило это дурное предчувствие. В любом случае по моим подсчетам там сейчас ночь. Надо постараться сегодня не думать больше об этом, а завтра я проснусь и увижу на экране телефона сообщение, начинающееся привычным «са ва топ соеиг?» Он объяснит мне, что рейс задержали, что он перепутал отель, что решил, что я сплю, и не стал беспокоить звонком. Все будет именно так, успокаиваю я себя. «Ни фигя подобного» ухмыляется наверху некто всезнающий, наблюдая за моими мытарствами. Я не слышу его и весь вечер глушу свою тревогу нервным чаем.

Ночью меня мучают кошмары. Гигантский жук в униформе клерка австралийского отеля, шевеля чешуйчатыми лапищами, шипит по-английски: «Нет, у нас никакого Дюссана. Был, да сплыл».

Он поглаживает свой длинный ус, и я с ужасом вижу, что из его пасти свисает человеческая нога. Я просыпаюсь несколько раз за ночь, пытаюсь мысленно изменить продолжение этого кошмара. Но стоит мне только заснуть, как передо мной вновь предстает это отвратительное насекомое.

Утро приходит вместе с головной болью и ощущением полной разбитости. Я первым делом хватаюсь за телефон. Сердце, настроившееся на радостный скачек, при виде пустого экрана проваливается куда-то так глубоко, что я не уверена, выберется ли оно когда-нибудь оттуда. Я набираю номер, абонент которого вчера не существовал. Чем черт не шутит. Черт не шутит ничем. Несуществовавший абонент продолжает не существовать. Мой почтовый ящик тоже не радуется: несколько выгоднейших предложений по увеличению детородного органа, пара писем от очередных хорошо сохранившихся дедушек и уведомление о получении нового сообщения от пользователя «бывалый котяра». Окончательно отчаявшись, я отправляю на адрес Лорана серию истеричных сообщений напечатанных Caps Lock'ом с одинаковым криком души «ПОЗВОНИ МНЕ». На этом мои возможности исчерпываются. Я плетусь на кухню и завариваю себе гигантскую чашку нервного сбора. Слава Богу, мама ушла по каким-то своим школьным делам (она учительница), и мне не приходится объяснять ей свой вздрюченный вид.

Весь день я страдаю. Страдать, между прочим, тоже надо уметь. Я умею. Сажу на диване растрепанная, в халате, хлебаю литрами противнейший на вкус травяной отвар, который действует скорее не как успокоительное, а как мочегонное и отказываюсь от еды. Если становится совсем не в моготу, я позволяю себе съесть что-нибудь, только обязательно невкусное. Недоваренные макароны, холодную кашу, черствый хлеб. Вкусная еда может доставить удовольствие

и отвлечь от депрессии, а этого допускать нельзя. Я перечитываю в телефоне трогательные сообщения от Лорана, размазывая рукавом халата слезы по щекам, и представляю себе, что скажу, когда он, наконец, позвонит. Я буду кричать на него так, что у него полопаются барабанные перепонки, а под конец обвинительной тирады всплакну и велю никогда мне больше не звонить. Или же нет, я отвечу спокойным и безразличным тоном и заявлю, что он безответственный тип, и между нами все кончено. Или нет, я не буду кричать, не буду его ни в чем обвинять и угрожать разрывом отношений, я буду кроткой и понимающей. Пусть только он позвонит. Ну, пожалуйста! Но, похоже, ни Лорану, ни Господу Богу не слышны мои мольбы. Во всяком случае, ни один из них не реагирует.

К вечеру возвращается мама, и мне приходится вылезти из халата и привести себя в боже-ский вид. Она рассказывает, что какой-то бессовестный ученик украл кактус из кабинета директора. Я слушаю в пол-уха, ковыряя вилкой тушеное мясо.

– Что ты там ищешь? Все съедобное! – кипятится мама, заметив мои манипуляции.

– Что-то аппетита нет. Пойду, поделаю перевод.

– Ну, вот на тройку поела! Откуда взяться силам на работу. Посмотри на себя, зеленая вся!

Мама, учитель со стажем, всегда оценивает мою еду по пятибалльной шкале. В детстве меня это мотивировало, и я старалась есть на пятерку. Теперь мне все равно.

Я плетусь в свою комнату. Перевод по понятным причинам не спорится. Звонок телефона кажется таким громким и неожиданным, что я подскакиваю на стуле. «Private number» уведомляет меня телефонная служба. Я хватаю аппарат.

– Лоран, ты где?

Однако, в трубке слышится не знакомый мне голос, а какое-то плохоразличимое хриплое бормотание.

– Алло? Лоран, это ты?

– Это Марина?

– Да, это я. Кто говорит?

– Простите, очень плохая связь.

– Что?

От волнения я выкрикиваю невежливое QUOI вместо полагающегося COMMENT.

– Я говорю, плохая связь, – повышает голос мой неизвестный собеседник, – Я должен сообщить вам неприятную новость.

– Кто вы?

– Я... Лорана, – слышимость ужасная, я различаю одно слово из трех, – Он... в авиакатастрофе... Сидней. Его тело... в Париж... родные... трагедия... ваш номер...

– Алло! Алло! Я вас не слышу!

Я не хочу его слышать. Мне не хочется признать, что по тем обрывкам, которые все-таки уловило мое ухо все и так предельно ясно.

– Я говорю, Лоран погиб. Простите. Примите соболезнования.

– Когда? Где? Я хочу знать все! Кто вы ему? Как вы узнали обо мне?

– Я... телефон... его родные...

– QUOI?

Голос в трубке поглощает шипение и хрип, я уже не могу различить ни единого слова.

– Подождите! – кричу я в отчаянии, – Я хочу знать... Я хочу приехать на похороны.

Он уже не слышит меня. В трубке безразличные гудки. Мой первый порыв – перезвонить и выяснить все как следует. Но перезвонить куда? Номер не высветился. Я жду, что может быть неизвестный сам догадается это сделать. Но нет, незнакомому французу наплевать на незнакомую рижанку. Он выполнил свой долг, сообщил, и хватит, чего еще деньги на заграничные

звонки тратить. Я зарываюсь лицом в подушку и рыдаю так громко и отчаянно, как будто кто-то умер. Почему как будто? Так и есть. В комнату врывается обеспокоенная мама.

– Что случилось?

Я не в силах ответить, язык не случается. Мне удастся выдать из себя только невразумительное бульканье.

– Тебя чем-то обидел этот француз? Он опять не придет?

– Он уuuuuuuумер, – вою я и утыкаюсь обратно в подушку.

– Как? Когда? О, Господи.

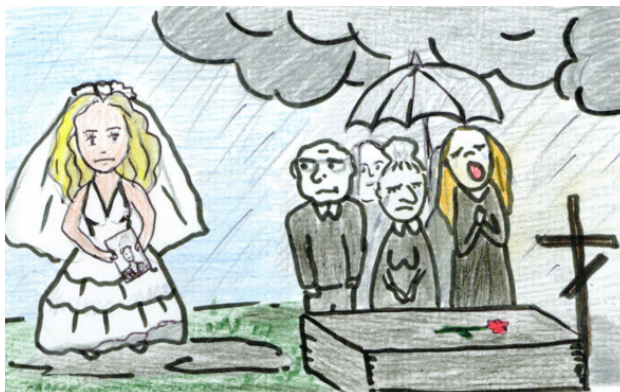
Мама понимает, что я не в том состоянии, чтобы отвечать на вопросы. Она уходит на кухню и возвращается с пузырьком сердечных капель. Я послушно пью их из ложки.

– Вот ведь француз, и так от него мало пользы было, а теперь еще взял и умер, – ворчит мама, но я чувствую, что за этим показным цинизмом она пытается скрыть свое волнение.

Весь вечер мы сидим на кухне в обнимку и по очереди отпиваем из волшебного пузырька.

– Я обязательно должна поехать на похороны, – сонно бормочу я.

Мама безразлично кивает, на нее успокоительные капли тоже действуют как снотворное. Я представлю статью в желтой прессе «Невеста впервые увидела жениха на его похоронах. Такого вы еще не читали». Я еле доползаю до кровати и сразу же проваливаюсь в сон.

Следующим утром меня будит выстрелом в затылок воспоминание о случившемся. «Нет, этого не может быть» заявляет мой непотопляемый оптимизм, просыпаясь и зевая, «Может, это не тот Лоран, мало ли какие бывают ошибки. Кроме того, тут толком вообще ничего неизвестно. Надо сначала все выяснить, а потом уже слезы лить». «Ну, чтобы слезы лить-то, допустим, нам много поводов не надо», думаю я, разглядывая в зеркало свою опухшую физиологию, «в этом мы большие мастера». Мама уже ушла на очередной педсовет, оставив мне записку с требованием не вешать нос и новую бутылочку сердечных капель. От одного ее вида, меня как-то сразу мутит. За два дня я выхлебала уже столько, что у меня в жилах уже наверно вместо крови эти сердечные капли. Нет, хватит безвольно депрессировать в халате, надо взять себя в руки и начать действовать. В первую очередь необходимо поговорить еще раз со звонившим мне французом, другом или родственником Лорана. Для этого мне требуется его номер. Я звоню в Tele2 и прошу выслать мне на имейл счет за этот месяц вместе с распечаткой звонков. Девушка-клерк обещает выполнить мою просьбу в ближайшее время. В ожидании ее имейла, я открываю старые счета, которые хранятся на всякий случай в ящике. К ним прилагаются списки всех звонков и сообщений за месяц. Я никогда до сегодняшнего дня эти приложения не смотрела. Меня интересовала только конечная сумма для оплаты. Итак, 80% всех звонков и сообщений исходят от многозначного номера, начинающегося на +336. Выходит, это и есть номер Лорана, который мой мобильный скрывает за занавеской «private number». Я сравниваю его с той комбинацией цифр, которую мне в свое время диктовал Лоран как личный

номер. Кроме кода страны ничего общего не наблюдается. Странно, что он звонит мне с одного номера, а для связи дает другой. Впрочем, одергиваю я себя, что тут странного? У делового человека должно быть несколько телефонов. Ага, и один с заведомо несуществующим абонентом. А что, если до позавчерашнего дня он существовал? Я ведь никогда раньше не пыталась по нему звонить. Служба уведомляет меня о получении письма от Tele2. Так, посмотрим. Я нетерпеливо жму курсором на ярлычок приложенного файла. Последний звонок вчера в районе восьми вечера... Нет, этого не может быть! Мое сердце замирает на месте, не зная, куда ему лететь, вверх или вниз. Номер звонившего мне вчера француза до одной цифры совпадает с тем, с которого мне все эти месяцы звонил Лоран! Представим, что перед отъездом он забыл телефон дома (хотя такого с ним, на сколько мне известно, никогда не случалось), и после известия об авткатастрофе близкий друг или родственник находит этот телефон, видит часто повторяющийся мой номер, и перезванивает по нему, чтобы сообщить неприятное известие. Гипотеза не сходится хотя бы потому, что во время нашего последнего разговора (который, судя по распечатке, происходил посредством этого телефона), Лоран уже находился в аэропорту и ему оставался час до вылета. Кроме того, его последнее сообщение, посланное с этого же номера, гласило, что он уже в самолете. Каким образом СИМ-карта из аппарата погибшего в авиакатастрофе Лорана могла спастись и попасть в руки его знакомого? У меня леденеет пропитанная сердечными каплями кровь. Все это начинает смахивать на фарс. Неужели... Нет, этого не может быть. Разве можно быть таким холодным бессердечным циником?! Я набираю дрожащими пальцами номер, который значится на всех распечатках. Длинные гудки тянутся целую вечность, отдаваясь болью у меня в ушах. Не берет. Видит мой номер и не берет трубку. Я зверею и начинаю трезвонить без остановки. На тридцатом звонке электронный голос сообщает мне по-французски: «абонент не существует». Et voila! Концы в воду. Выбросил карту, купил новую. Выбросил надоевшую рижскую игрушку, нашел новую. Уже почти не сомневаясь, что стала жертвой жестокого розыгрыша, я все-таки просматриваю информационные блоки в поисках недавней авиакатастрофы. Нет, как и следовало предположить, подобных сведений не наблюдается. Я решаю на этом не останавливаться и разыскиваю авиакомпания, которые в тот день совершали рейсы Париж-Сидней. Система выдает мне два варианта Air France и Virgin Atlantic. Я по очереди связываюсь с парижскими офисами обеих компаний и выясняю, что никаких аварий не было ни в тот день, ни за весь прошедший год. Я интересуюсь, числился ли в списках пассажиров Лоран Дюссан. Мне оба раза вежливо отвечают. Что подобной информации предоставить не могут. Ладно, это уже не суть важно. Главное, что авиакатастрофа – вранье с целью от меня избавиться. Боже мой, уж лучше бы он и, правда, разбился!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.